

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

О. В. РОДИОНОВА *

Родионова Ольга Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета

В статье предпринята попытка осмысления причин появления и места современных концепций права в контексте правовой культуры, которая рассматривается как совокупность синхронно существующих правовых субкультур. Право в контексте классической парадигмы и право в контексте неклассической парадигмы частично или полностью сосуществуют во времени. Это линейно выстроенная концепция развития науки, и в рамках одного временного континуума сосуществуют различные парадигмы исследования. Соотнести эти парадигмы с векторами общекультурного развития возможно, только проанализировав ту или иную концепцию права на предмет использования терминологии, методов исследования, стилей исследования, принадлежащих доминирующей культурной парадигме той или иной исторической эпохи. Классика — это некая константа, вечное, непреходящее в культуре, в том числе в правовой культуре. Параллельно классической парадигме, которая существует во все времена, в одном временном пространстве с ней находятся и иные

парадигмы, отражающие некоторые особенности культуры конкретного временного континуума. Концепции права, не вписывающиеся в классическое право, принадлежат правовой культуре модерна, правовой культуре постмодерна, а сегодня уже и правовой культуре постпостмодерна. Такая полипарадигмальность необходима именно в целях сохранения и развития национальной правовой культуры. Приведение к общему знаменателю невозможно, поскольку приверженцы того или иного типа правопонимания исходят из различных дисциплинарных матриц. Каждая из существующих концепций правопонимания имеет право на существование и право на истину, контекстную времени и месту. Но ни одна из них не может претендовать на аподиктическое знание, поскольку право как феномен культуры продолжает развиваться вместе с прочими явлениями культуры. И цель настоящего размышления — не попытка примирить антагонистические позиции и не позиционирование истины в последней инстанции, а предложение к дискуссии в духе традиционного для русской культуры эссе.

* Rodionova Olga Vladimirovna — doctor of legal sciences, associate professor, Department of Theory and History of State and Law of the Ivanovo State University.

E-mail: o.rodionova1955@gmail.com

© Родионова О. В., 2016

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, классическая парадигма, неклассическая парадигма, правовая культура постмодерна, декаданс правового модернизма, правовая культура постпостмодерна, полипарадигмальность правовой культуры.

RODIONOVA O. V. MODERN CONCEPTS OF LAW IN THE CONTEXT OF DYNAMICS OF SCIENTIFIC PARADIGM

The article attempts to understand the reasons for and the place of the modern legal concepts in the context of the legal culture which is seen as a set of several co-existing legal subcultures. Law in the context of a classical paradigm and law in the context of a non-classical paradigm is partially or completely existing in time. It is a linearly concept of scientific development, and various research paradigms co-exist within the same time continuum. It is possible to relate these paradigms with the vectors of general cultural development only by analyzing certain legal concepts in terms of using terminology, research methods, research styles which are part of the dominant cultural paradigm of a particular historical epoch. The classics are a kind of a constant, something eternal and unchangeable within the culture, including the legal culture. Concurrent with the classical paradigm that has been existing at all times, other paradigms coexist in the same time space reflecting certain cultural features of a particular time continuum. Legal concepts that do not fit into the classical law refer to the modern legal culture, to the postmodern legal culture, and today even to the postpostmodern legal culture. This multifaceted character of the paradigm is necessary to preserve and develop the national legal culture. Reduction to a common denominator is impossible because the advocates of a particular type of law understanding rely on different disciplinary matrices. Each of the existing legal concepts has a right to exist and the right to the truth, contextual in time and place. But none of them can claim to possess apodictical knowledge as law, being a cultural phenomenon, continues to grow along with other cultural phenomena. The aim of this deliberation is a proposal for discussion in the spirit of a traditional Russian essay culture rather than an attempt to reconcile the antagonistic positions or positioning of the ultimate truth.

KEYWORDS: law, classical paradigm, non-classical paradigm, postmodern legal culture, legal modernism decadence, postpostmodern legal culture, multifaceted character of the legal culture.

Современная правовая культура является частью, фрагментом всего феномена культуры, которая переживает период трансформации, детерминированный переходом от постмодерна к постпостмодерну. Хотя следует отметить, что в рамках одного временного континуума, одной культуры всегда сосуществует несколько субкультур. Соответственно, в современной отечественной философии права конкурируют различные правовые субкультуры, парадигмы которых определяют сложную структуру современной правовой культуры. Перефразируя В. С. Библера, можно сказать: правовая культура есть там, где есть две правовые культуры: «Где есть одна культура, я с ней срастаюсь, — и тогда уже культуры нет, есть цивилизация»¹. Поэтому сосуществование различных парадигм необходимо именно в целях сохранения и развития национальной правовой культуры. Предвижу те сложности, которые связаны с проблемой индиви-

¹ Библер В. С. Замыслы. М., 2002. С. 377.

дуальной интерпретации и которые наверняка возникнут у читателей: для ученых, чье мировоззрение опирается на феноменологию Э. Гуссерля², объективная действительность представляет своего рода абстракцию, «интенциональное восприятие субъектом внешнего мира». Для представителей материалистической классики объективное существование внешнего мира аксиоматично и т. д. Приведение к общему знаменателю невозможно, поскольку приверженцы того или иного типа правопонимания исходят из различных дисциплинарных матриц. И цель настоящего размышления — не попытка примирить антагонистические позиции и не позиционирование истины в последней инстанции, а предложение к дискуссии в духе традиционного для русской культуры эссе.

Представители современной философии права определяют свою позицию, как правило, либо в рамках классической философии права, либо в рамках неклассической философии права. Некоторые исследователи называют последнюю правовой постклассикой³, тем самым намекая на то, что неклассические концепты «победили» классические теории права, которые якобы стали анахронизмом. Но не все согласны с такой оценкой положения вещей. Даже сами авторы этих концепций обозначают себя как представителей «неклассической философии права»⁴, не настаивая на окончательном преодолении классики. А. В. Поляков при этом считает, что интегральный тип правопонимания следует позиционировать как продолжение неклассических типов правопонимания, т. е. «неклассический» тип правопонимания по существу позиционируется как отдельная ветвь правопонимания⁵.

Как соотносить данные парадигмы с векторами общекультурного развития? Это возможно только путем анализа той или иной концепции права на предмет использования терминологии, методов исследования, наконец, стилей исследования, принадлежащих доминирующей культурной парадигме той или иной исторической эпохи.

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М., 2009.

³ Честнов И. Л. Курс постклассической теории права. СПб., 2012; Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2013; Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Правоведение. 2014. № 5. С. 143–149; Денисенко В. В. Постклассическая теория правопонимания и легитимация в ней норм права // Конституция Российской Федерации и ее влияние на практику государственного строительства и развитие правовой системы страны: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 55-летию юбилею юридического факультета Воронежского государственного университета. Сер. «Юбилей, конференции, форумы» / под ред. Ю. Н. Старилова. 2014. С. 33–40; Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность России в постклассической парадигме // Правовая культура. 2015. № 3 (22). С. 38–47; и др.

⁴ Неклассическая философия права: вопросы и ответы // Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». Харьков, 2013.

⁵ Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учебник. 2-е изд. СПб., 2015. С. 49–55.

Классикой в культуре традиционно считается направление, которое продолжает традиции античности. А приверженность современности всегда явно (модернизм) или латентно (постмодернизм) соотносима с античностью. Эпоха модерна предполагала отказ от прежнего господствующего мировоззрения, от прежних форм и методов. Принято считать, что она зародилась в начале XX в. и закончилась в 60-е годы XX в. Но хронологические границы не абсолютны: например, в рамках эпохи, где главенствовали каноны модерна, творили такие маргинальные авторы, как Ницше, Джойс. Следующее отрицание античности обозначили в теории культуры как постмодернизм, который сегодня также подходит к своему логическому завершению. Мы живем уже в новейшую эпоху, в эпоху постпостмодерна. Причем модернизм, постмодернизм, постпостмодернизм следует считать мировоззренческим, парадигмальным качеством того или иного этапа культуры.

Впервые статус философского понятия постмодернизм получает в книге Ж. Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», вышедшей в свет в 1979 г.: «Предметом этого исследования является состояние знания в современных наиболее развитых обществах. Мы решили назвать его “постмодерн”. Это слово... обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве, в конце XIX века»⁶. Лиотар связывает постмодернизм с ощущением устарелости основных принципов, или *метанарративов*⁷, на которых базировалась западная цивилизация. Главной отличительной чертой эпохи постмодерна, по Лиотару, является эрозия веры в «метанарративы», легитимирующие представление о современности, среди которых в качестве основных он выделяет гегелевскую диалектику, идею прогресса, просветительское представление о знании и т. п.

Постмодерн многолик, возможно, даже полипарадигмален. В его основе — декаданс предшествующей парадигмы, который обусловлен ее кризисом. Существует предположение, что постмодернизм вообще не следует связывать с какой-либо конкретной эпохой. Так, теоретик постмодернизма Умберто Эко выдвинул следующий тезис: «...постмодернизм не фиксированное хронологически явление, а некое духовное состояние... В этом смысле правомерна фраза, что у любой эпохи есть собственный постмодернизм».⁸

⁶ Лиотар Ж. -Ф. Состояние постмодерна. М., 1988. С. 9.

⁷ «Метанарратив» — это особый тип дискурса, возникший в эпоху модерна и претендующий на особый статус по отношению к другим дискурсам (нарративам), стремящийся утвердить себя не только в качестве истинного, но и в качестве справедливого, т. е. существующего на законных основаниях. Этим термином и его производными («метарассказ», «метаповествование», «метаистория», «метадискурс») Лиотар обозначает все те «объяснительные системы», которые, по его мнению, организуют буржуазное общество и служат для него средством самооправдания, — религию, историю, науку, психологию, искусство (иначе говоря, любое «знание»).

⁸ Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Имя розы. М., 1997. С. 635.

Поскольку правовая культура — это составляющая общекультурной матрицы, то и концепции права, не вписывающиеся в классическое право, соответственно будут принадлежать правовой культуре модерна (сюда, например, можно отнести теорию права Л. И. Петражицкого), правовой культуре постмодерна (вся неклассическая философия права: коммуникативно-феноменологическая концепция права А. В. Полякова, диалогическая концепция права И. Л. Честнова, экзистенциальное право А. В. Стоббы и др.) и правовой культуре постпостмодерна (здесь право еще не сказало своего слова). Но обо всем по порядку.

Пожалуй, из всех многочисленных и противоречивых характеристик постмодернизма наиболее конструктивной в исследовании правового постмодернизма является характеристика, предложенная В. Брайнином-Пассеком: «Нарратив постмодернизма предполагает радикальный отказ от реализма во всех его интерпретациях. Критиковать классический реализм нельзя, так как это признает его (классического реализма) существование. Даже сюрреализм, который в начале XX века, в эпоху модерна, углубляет центростремительное движение в познании мира в контексте антропоцентризма, направленного на освоение внутреннего мира человека, не признается, ибо постмодерн не ищет “зон свободы” в личностно-субъективной эмоционально-аффективной сфере и обретает свободу не в сновидениях, не в феноменах детства или интуиции (как сюр), а в процедурах деконструкции и означивании текста, предполагающих произвольность его семантизации. Постмодернизм порой квалифицируют как декаданс модернизма, что обусловлено кризисом восприятия окружающего мира»⁹. Постмодернизм рассматривается как некая разрушительная реакция на непродуктивность предыдущей парадигмы, разрушение прежних идеалов. Динамика социума в целом, открытия в области физики, новые философские концепции не могли не найти отражения и в сфере философии права, и прежде всего в философии права постмодерна. Причем следует особо отметить, что постмодернизм — это *следующее* не за классикой, а за модерном.

Некоторые авторы считают, что постмодернизм возникает как реакция на ускорение ритма социальной жизни в постиндустриальную эпоху: «Понятие “постмодерна” стало широко использоваться с конца 70-х гг. для обозначения периода вступления и развития человечества в эпоху постиндустриализма. В этом смысле “постмодерн” представляет собой интегральную характеристику современного постиндустриального, информационного общества»¹⁰. Сходную позицию можно встретить в статье Н. В. Платоновой «Философия права в эпоху постмодерна»¹¹. С этими по-

⁹ Брайнин-Пассек В. О постмодернизме, кризисе восприятия и новой классике // Новый мир искусства. 2002. № 5/28. С. 7–10.

¹⁰ Ирхин Ю. В. Постмодернистские теории: достижения и сомнения // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 1. С. 262.

¹¹ Платонова Н. В. Философия права в эпоху постмодерна // Культура, духовность, общество. 2015. № 19. С. 81–87.

ложениями сложно согласиться: ведь постмодернизм, базируясь на позиции философского субъективизма, который явно или латентно существует в качестве мировоззрения представителей данного направления, *не интегрирует*, а, напротив, фиксирует *разобщенные* формы и смыслы бытия, в том числе и бытия права. А смысл и цель права — *интегрировать* общество. Правовая норма является универсальным социальным регулятором, это необходимый элемент бытия общества, в соответствии с которым оно (общество) обеспечивает упорядочение необходимых отношений, что в свою очередь гарантирует ему самосохранение. Если исходить из того, что постмодернизм — это некая константа культуры («все происходит всегда», как в «библейском» времени), т. е. по сути, некий декаданс, отрицание предшествующего, философия эпохи перемен, то на этом действительно следует поставить точку, как справедливо отмечает В. Брайнин-Пассек¹². Потому что такого рода кризисы свойственны обществу во все эпохи перемен: как уже отмечалось в начале статьи, свой декаданс свойствен любому этапу культуры в период его завершения и перехода к следующему этапу. А если так, то и период постмодерна закономерно подойдет к своему завершению. Постмодернизм рассматривается в рамках традиционного культурного дискурса: модернизм, а за ним на «обломках» модернизма постмодернизм. В этом случае право постмодерна — декаданс правового модернизма. Вместе с тем следует отметить, что нигде так широко не используется цитирование, как в постмодернизме, в том числе правовом постмодернизме. Можно взять любую работу представителей указанного направления, чтобы убедиться в этом. И хотя эстетика постмодерна предполагает ироничное цитирование, правовой постмодерн часто не следует этой традиции: здесь все всерьез.

Сегодня отдельные теоретики права берут в качестве методологической основы философский постмодернизм. «Постмодернисты отвергают понятия классической философии: *разум, абсолют, истина, прогресс, противоречия, дискуссия* и т. д. Вместо этих веками опробованных понятий и категорий они выдвигают понятия «деконструкция», «тело», «сюжет», «дискурс» и т. д., не несущие никакой смысловой и теоретической нагрузки, но зато звучащие оригинально»¹³. Все это «богатство» философского постмодернизма сегодня привнесено в теорию права в качестве методологической основы. Правовой постмодернизм сегодня претендует на роль *новейшего типа правопонимания*. И здесь возникают сложности, поскольку правовой постмодернизм, как и все, что относится к постмодернизму, многогранен, многолик и даже маргинален. И если для искусства постмодерна автором может выступать толпа, то для права постмодерна это просто невозможно, недопустимо. При каком бы виде демократического политического режима ни существовало репрезентативное государственное-организованное общество, политика и право данного государства не

¹² Брайнин-Пассек В. О постмодернизме, кризисе восприятия и новой классике.

¹³ Гобозов И. А. Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. 2010. № 3. С. 15–16.

будут определяться исключительно волей и интересами охлоса. Право всегда будет выражать некий суммативный конвенциональный интерес — по допустимому максимуму воля и интересы правящей социальной группы (элиты) и по возможному минимуму воля и интересы всех прочих подвластных социальных групп. Но право, выраженное в законе, всегда будет предложено властвующей элитой.

Невозможно выделить какую-то одну концепцию правопонимания в постмодернистском дискурсе¹⁴. Постмодернизм выдвигает на первый план проблемы симулякра, метаязыка, интертекстуальности, контекста — художественного, культурного, исторического, научного, религиозного¹⁵. Право с позиций постмодернизма — это некое вариативное, различно понимаемое явление. Так, И. Л. Честнов предлагает следующее определение права: «Право, если исходить из постклассической (а точнее, “неклассической”. — О. Р.) философии, — это многомерное социальное явление, контекстуально обусловленное, постоянно изменчивое, конструируемое и воспроизводимое ментальными представлениями и практиками конкретных людей. В то же время право не может не обладать функциональностью или социальной значимостью — сущностным его признаком»¹⁶. И все бы замечательно, но если заменить термин «право» термином «мораль» или «религия», то ничего более менять и не нужно. Данное определение подходит и морали, и религии, и любому другому социальному регулятору. Таким образом, мы не имеем определения понятия «право», нам предложено, по сути, определение родового понятия — «социальный регулятор».

Профессор И. Л. Честнов отмечает как новеллу диалогической концепции права (которую он сам относит к неклассическим теориям права)¹⁷ то, что «изменения, происходящие в “постсовременном” социуме, обусловливают трансформацию мировоззрения, и наоборот: ментальные процессы стимулируют изменения деятельностного аспекта социальности»¹⁸. Что касается «деятельностного аспекта социальности», то он имеет место с тех пор, как существуют человек, общество, и ментальные процессы всегда, во все времена оказывали влияние на функции человека, социальной группы, общества в целом. Таким образом, это некая *вневременная константа общественной жизни в целом*, а не новелла постмодерна.

Отсутствие универсальных критериев оценки социальных явлений и процессов также совершенно напрасно позиционируется как некая но-

¹⁴ Понятие «дискурс» понимается в традициях современной французской философии постмодернизма как характеристика особой ментальности и идеологии, которые выражены в тексте, обладающем связностью и целостностью и погруженном в жизнь, в социокультурный, социально-психологический и другие контексты.

¹⁵ Маньковская Н. От модернизма к постпостмодернизму *via* постмодернизм // Коллаж-2. М., 1999. С. 20.

¹⁶ Честнов И. Л. Что есть право? // Правоведение. 2013. № 3. С. 230.

¹⁷ Честнов И. Л. Диалогическая концепция права // Неклассическая философия права // Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». С. 160–193.

¹⁸ Там же. С. 118.

велла¹⁹, присущая исключительно неклассической науке о праве. Такое отсутствие универсальных критериев характерно для политически организованного (государственно-организованного) общества во все времена. Другое дело — официальная оценка с позиций господствующей идеологии, которая всегда претендует на универсальность. И в зависимости от политического режима того или иного государства будет то единственной (тоталитарные, авторитарные государственные режимы), то одной из многих (демократические режимы). Политически организованный мир полярен, как и его критерии оценок различных социальных процессов, в том числе государственно-правовых.

Несколько слов об онтологическом принципе релятивизма права, предложенном профессором И. Л. Честновым: «...право — это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами, вне и без которых право не существует и с обществом как социальным целым»²⁰. Право не может взаимодействовать с обществом как некое *отдельное* явление, поскольку право само есть *часть* общества как системы отношений. А часть и целое и соотносятся как *часть и целое*, т. е. право *внутри* общества. Что, кстати, далее подтверждает и сам автор, говоря о том, что правовые явления есть социокультурные феномены, которые в реальной жизни одновременно не только правовые, но и экономические, и политические, и психические явления. И разве не говорит классическая гносеология о соотносительности тех или иных общественных явлений, об их взаимной обусловленности?.. Правовой релятивизм, по И. Л. Честнову, — это абсолютизация его научно-мировоззренческой позиции, которая представляет собой форму субъективного идеализма, что еще раз подтверждает соотнесенность его диалогической концепции права с постмодернизмом. Его правовой онтологический релятивизм созвучен «принципу неопределенности» В. Гейзенберга в современной физике, где реальность зависима от познающего субъекта. Давно известно, что *социально-культурный релятивизм* обычно активизируется в науке, в юриспруденции в том числе в эпоху социальных перемен, в эпоху смены идеологий и более активных изменений в мировоззренческой сфере, он акцентирует своеобразие и историческую изменчивость различных социальных систем (правовых систем в том числе), выделяет их ситуативную обусловленность, замкнутость и несоизмеримость с предшествующими моделями и концептами, в то время как в реальной жизни процесс познания кумулятивен: наука с неизбежностью суммирует предшествующее знание.

Два слова о том, что касается сравнения²¹ классического и неклассического мировоззрения. Познание социальных явлений в контексте классической парадигмы всегда учитывало их культурно-ценностный контекст, не выдвигая его на первый план, так как классическая парадигма опирается

¹⁹ Честнов И. Л. Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Правоведение. 2013. № 5. С. 118.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 120–121.

в основном на экономические отношения, позиционируя их как базисные. Но при этом не отрицается культурно-ценностный аспект. К. Маркс в известном ответном письме к Вере Засулич от 8 марта 1881 г. относительно универсальности своей экономической теории развития общества пишет, что «историческая неизбежность этого процесса точно ограничена странами Западной Европы», имплицитно вводя культурно-ценностный аспект как значимый и во многом определяющий развитие того или иного государственно-организованного общества²². Кроме того, классическая теория познания никогда не отказывалась от диалектического метода познания социальной реальности, а из этого с неизбежностью следует, что и знания, и социальная реальность являются не только «данностью», но могут быть «конструируемы» через деятельность посредством разума и воли человека.

Другой представитель правового постмодернизма (эту концепцию следует обозначить как правовой экзистенциализм, о чем писал в предисловии к его публикации А. В. Поляков) А. В. Стовба, опираясь на философию М. Хайдеггера и его онтологический поворот в философии²³, предлагает вообще отказаться от вопроса «Что есть право?» в пользу вопроса «Как оно сбывается?», обозначая это как «онтологический поворот» в философии права²⁴. Украинский правовед приходит к выводам, что право сводится к юридически значимому деянию и его последствиям, т. е. ВСЕ право он сводит, по сути, к *юридическим фактам*: «...право как бытие права (бытие правового сущего) оказывается локализовано во временном промежутке между деянием и ответным деянием, высвечиваясь в случае реального либо потенциального несовершения ответного деяния. Во избежание путаницы назовем “первичное” деяние “правовым деянием”, а ответное деяние — “правовыми последствиями”»²⁵. По мнению А. В. Стовбы, только так «люди, вещи, события, отношения» могут «обрести правовой модус бытия»²⁶, а «правовое время может быть описано как круговая экзатичная современность. В этой “временной петле” заключено правовое бытие»²⁷. Изучение юридических фактов — это, безусловно, важно. Но сведение всего многомерного полисемантического явления права исключительно к юридическим фактам-деяниям непродуктивно: слишком велик круг неохваченных правовых явлений и категорий, таких как правоотношения, правосознание, правопорядок и т. д. Хотя попытка определения понятия «правапорядок» имеет место: «Правапорядок есть онтологический смысловой горизонт, в который вписывается любое сущее, которое тем самым становится правовым. Толчком для вписывания сущего в горизонт

²² Маркс К. Письмо В. И. Засулич / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 19. М., 1961. С. 251.

²³ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 4.

²⁴ Стовба А. В. О перемене сущности, или «Что есть» право в эпоху постметафизики // Правоведение. 2008. № 1. С. 157.

²⁵ Стовба А. В. Что есть право? // Там же. 2013. № 4. С. 183.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 185.

смыслов правопорядка является правовое деяние»²⁸. О том, что концепция А. В. Стовбы относится к правовой субкультуре постмодернизма, свидетельствует и тот факт, что методологической основой его правовой концепции являются философия М. Хайдеггера, Ж. Дерриды, Ж. Делеза и других представителей этого направления, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки и сноски на труды этих ученых в его работах.

Среди неклассических теорий права особое место занимает коммуникативная теория права, которую представляют труды А. В. Полякова, выгодно отличающаяся от иных концепций в рамках неклассического права. А. В. Поляков предлагает широкое определение понятия права: «Правом являются и правовые тексты, и правовые нормы, и правовые отношения, связывающие субъектов коррелятивными правами и обязанностями, и правовое поведение субъектов, и правовое сознание, придающее такому поведению правовой смысл. В этом смысле право — явление синергичное, когерентное — т. е. коммуникативное»²⁹. С таким определением права трудно не согласиться. Но с идеей «мировоззренческой концепции права», для создания которой необходимо «освобождение от идеологической объективации права»³⁰, согласиться сложно. Во-первых, требует уточнения понятия «мировоззренческая концепция права» — что это?.. Любая концепция права — часть научного знания о праве, одна из попыток его системного осмысления, базирующаяся на той или иной философской парадигме. Философия же в силу особой специфики данной науки всегда является научным мировоззрением и одновременно методологией (в нашем случае) знания о праве. Мировоззрение — система взглядов на мир, включающая знания об этом мире, осознание места познающего субъекта в этом мире, определяющая поведение данного субъекта. Вместе с тем правовая концепция, выраженная в строгих научных формах и терминах, или примитивные обыденные знания о праве (все зависит от конкретного индивидуального субъекта-носителя данных знаний) — всегда составная часть (причем не самая значительная) мировоззрения конкретного субъекта. И одновременно любая концепция права базируется на мировоззренческих парадигмальных взглядах субъекта.

Освобождения от идеологической объективации права (даже на уровне гносеологии права) достичь невозможно, потому что право, существуя исключительно в политически организованном обществе и, по сути своей, являясь выражением воли властвующих, а также регулятором общественных отношений, всегда и политично, и идеологично. И это его качество — идеологичность — следует считать атрибутивным.

Думается, что коммуникативная теория права в трактовке А. В. Полякова целиком не вписывается в концепцию постмодерна, хотя однозначно сказать трудно, так как автор широко использует терминологию постмодернизма. Полагаю, что коммуникативная теория права является

²⁸ Стовба А. В. Темпоральная онтология права // Неклассическая философия права. Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». С. 128.

²⁹ Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избр. труды. СПб., 2014. С. 32.

³⁰ Там же. С. 20.

отражением и порождением реальности; по существу, означает отказ от антропоцентристских ценностей европейской культуры, обусловлена ростом населения и диффузными явлениями в сфере информации.

Появление аутопойетических теорий не случайно: оно обусловлено снижением ценности индивида, восприятием его как части целого, что контекстно восточной культуре и что может также позиционироваться как проявление постмодернизма. «Существенным философским отличием постмодернизма является переход с позиций классического антропоцентрического гуманизма на платформу современного универсального гуманизма, чье экологическое измерение обнимает все живое... Отказ от европоцентризма и этноцентризма, перенос интереса на проблематику, специфичную для культур стран Востока, Полинезии и Океании, отчасти Африки и Латинской Америки сопряжен с темой религиозного, культурного, экологического экуменизма, неклассической постановкой проблем гуманизма, нравственности, свободы»³¹. Хотя, возможно, данный факт свидетельствует в большей степени о том, что элементы восточной культуры стали преобладать над элементами западной культуры, ценности которой утрачивают свои главенствующие позиции. Этот момент детерминирован демографической составляющей развития цивилизации, не учитывать которую просто невозможно.

На наш взгляд, коммуникативная теория права скорее соотносима с постпостмодернизмом и немного опережает все прочие неклассические теории, в определенной степени уходя в новую постпостмодернистскую парадигму. Термин «постпостмодернизм» относительно недавно вошел в науку. Связано это с философским переосмыслением изменившегося мира. Причем авторы отмечают паллиативность термина «постпостмодернизм». Так, О. Митрошенков в своей статье «Что придет на смену постмодернизму?» предлагает следующее понимание этого феномена: «В целом радикально меняется общий (культурный, социальный, духовный, экономический, политический, технологический и т. д.) концептуально осмысливаемый контекст человечества. Последние лет 30–40 представители практически всех областей социально-гуманитарного знания в разных странах обсуждают различия между эпохами (проектами) модерна и постмодерна. В философии это примерно соответствует уяснению различий между модернизмом и постмодернизмом. В этих дискуссиях все больше приходит осознание того, что уже и мировоззрение, и ценности постмодерна и постмодернизма исчерпывают свой потенциал, а категории модерна и постмодерна не справляются с осмыслением реальности, не успевают за ее вызовами. Кристаллизуется иная система координат, которую ряд специалистов (Н. Маньковская, А. Бузгалин, Д. Ритцер, В. Курицын, М. Эпштейн, Д. Пригов, Ф. Мофра и др.) условно называют постпостмодерн»³².

³¹ Маньковская Н. От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм. С. 21.

³² Митрошенков О. Что придет на смену постпозитивизму? // Свободная мысль. 2013. № 3 // <http://www.svom.info/entry/355-что-придет-на-смену-постмодернизму/> (дата обращения: 02.02.2015).

Постмодерн ориентирован на предпочтение прав и интересов личности интересам социальной группы. Такая логика индивидуализации привела к девальвации постмодернизма: «Исчерпание постмодернистского импульса произошло быстро — уже в середине 1990-х годов ситуация стала переопределяться в разных измерениях: технологически (Интернет стал мощным и значительным фактором социальной жизни); политически (теоретический и практический крах влиятельного ранее неолиберализма был признан практически повсеместно); социально (радикализация среднего класса, рекрутируемого прежде всего из среды “массового человека”, который в свою очередь в отдельных отношениях преодолевает свои худшие черты и обретает идентичность более высокого порядка); культурно (актуализация фундаментализма, причем не столько религиозного, сколько экзистенциального, обращенного к надежным и понятным нормам и ценностям); эстетически (новый натурализм, воскресший неоакадемизм)... Эkleктика, в том числе мультикультурная, лелеемая и культивируемая постмодернизмом, не привела к созданию нового единства, но способствовала противоречиям и конфликтам... Этнически новый, пришлый человеческий субстрат во Франции, Германии, Нидерландах, Бельгии и т. д., переходя некую количественную меру, не слишком толерантно сосуществует с коренными гражданами этих и других стран Старого Света, вызывая социальную напряженность и дискомфорт и представляя... угрозу национальной и европейской идентичности»³³. (Как актуально звучат сегодня эти слова!)

Выделяются четыре элемента постпостмодерна, среди которых виртуализация пространства социальных взаимодействий, создание технообразов, служащих своеобразными аттракторами социальных взаимодействий, глокализация сообществ в рамках глобализации и транссентиментализм. Виртуальный мир активно замещает реальность. Уже не текстообразы, а технообразы (термин А. Коклен), создаваемые в сетевом пространстве одними пользователями и изменяемые другими, являются результатами коллективного труда, «...но его многочисленные авторы и поклонники ощущают его своим творением, отражением своих мыслей и чувств. Происходит как бы диффузия, “интерференция” творца и аудитории, появляется некое новое образование (кентавр), ориентированное на коммуникацию и потому реализующее себя в сети в виде некоего коллективного субъекта социального действия»³⁴. Технообразы становятся аттракторами социальных взаимодействий, как позитивных, так и негативных, разрушительных. Эти спровоцированные технообразами «информационные повестки» способны изменять сознание, модифицировать ментальность, идентичность и опосредованно даже формы государственного устройства. Физика доказательно изложила предположения о существовании антивещества, что возродило старые споры об антиматерии, антимире как частности многомерности, обратимости жизни и смерти. Легкость взаимопереходов

³³ Там же.

³⁴ Там же.

бытия и небытия в виртуальном мире свидетельствует о философском, этическом, мировоззренческом сдвиге, связанном с освобождением от парадигмы причинно-следственных связей, что требует осмысления с позиций философии права, так как влечет за собой новые по мотивации преступления. Убийство, совершенное в реальной жизни, воспринимается не как необратимый акт: «Игра окончена. Новая игра», и все можно «переиграть». «Толерантное отношение к убийству как неокончательному акту, не наносящему необратимого ущерба существованию другого, лишенного физической конечности — одно из психологических следствий такого подхода».³⁵ Виртуальная реальность, «технообразы» вместо «текстобразов» постмодернизма, виртуальные артефакты как автономизированные симулякры, в которых как бы материализуются идеи Ж. Дерриды об исчезновении означаемого,³⁶ — все это еще предстоит освоить философии права, поскольку на поведение субъектов в сфере права широко распространенная в фильмах, видеоиграх, книгах, театральных спектаклях и т.п. эстетика постпостмодернизма оказывает заметное влияние.

В условиях постпостмодерна глокализация понимается как акцентирование не индивидуальной, как в постмодернизме, а социальной уникальности в рамках глобального социума. Нации акцентируют свою ментальность, свою идентичность в глобализирующемся пространстве.

Современный мир сложен и многомерен. Так же сложна, многомерна и полисемантическая правовая реальность. Образно ее можно представить как разбитое на мелкие фрагменты зеркало, причем эти фрагменты расположены под разными углами. И философия права, исследуя такую многомерную правовую реальность, предлагает в различных правовых концепциях видение той или иной грани, того или иного фрагмента, ракурса, среза правовой реальности. Каждая из данных концепций имеет право на существование и право на истину, контекстную времени и месту. Но ни одна из них не может претендовать на аподиктическое знание, поскольку право как феномен культуры продолжает развиваться вместе с прочими явлениями культуры. Классическая и неклассическая³⁷ парадигмы сосуществуют во времени лишь частично, это именно *линейно* выстроенная концепция развития науки, но в рамках одного временного континуума они сосуществуют как различные парадигмы исследования. Мы уже живем в мире, для которого постмодернизм, феноменология и диалектический материализм (в какой-то степени) — вчерашний день. Хотим мы этого или нет, но мы осваиваем постпостмодернистское культурное пространство. И философии права еще предстоит исследовать правовую реальность с помощью методологии постпостмодернизма, которая современной философией обозначена весьма приблизительно и которую ей еще предстоит осмыслить.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 23.

³⁷ Термин «неклассическая философия права» представляется неудачным, так как может включать в себя и последующие концепции, основанные на парадигме постпостмодернизма.

А рассудит наши теоретические споры Время, которое отсечет все лишнее и оставит в Вечности то знание, которое потомки назовут Классикой, или Неоклассикой, или как-то иначе. Это уже не столь важно.

Литература

- Библер В. С.* Замыслы. М., 2002. 1120 с.
- Брайнин-Пассек В.* О постмодернизме, кризисе восприятия и новой классике // Новый мир искусства. 2002. № 5/28. С. 7–10.
- Гобозов И. А.* Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. 2010. № 3. С. 5–21.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М., 2009. 496 с.
- Ирхин Ю. В.* Постмодернистские теории: достижения и сомнения // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 1. С. 261–278.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М., 1988. 160 с.
- Маньковская Н.* От модернизма к постпостмодернизму *via* постмодернизм // Коллаж-2. М.: ИФ РАН, 1999. С. 18–25.
- Маркс К.* Письмо В. И. Засулич / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19. 2-е изд. М., 1961. С. 250–251.
- Митрошенков О.* Что придет на смену постпозитивизму? [Электронный ресурс] // Свободная мысль. 2013. № 5 // URL: <http://www.svom.info/entry/355-chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu/> (дата обращения: 02.02.2015).
- Неклассическая философия права: вопросы и ответы // Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». Харьков, 2013. 272 с.
- Платонова Н. В.* Философия права в эпоху постмодерна // Культура, духовность, общество. 2015. № 19. С. 81–87.
- Поляков А. В.* Коммуникативное правопонимание: избр. труды. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. 575 с.
- Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права: учебник. 2-е изд. СПб.: Издательство С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. 472 с.
- Разуваев Н. В.* Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Правоведение. 2014. № 5. С. 143–149.
- Стовба А. В.* О перемене сущности, или «Что есть» право в эпоху постметафизики // Правоведение. 2008. № 1. С. 157–164.
- Стовба А. В.* Темпоральная онтология права // Неклассическая философия права // Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». Харьков, 2013. С. 127–159.
- Стовба А. В.* Что есть право? // Правоведение. 2013. № 4. С. 178–186.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Издательство Ad Marginem, 1997. 452 с.
- Честнов И. Л.* Диалогическая концепция права // Неклассическая философия права. Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». Харьков, 2013. С. 160–193.
- Честнов И. Л.* Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Правоведение. 2013. № 5. С. 112–123.
- Честнов И. Л.* Что есть право? // Правоведение. 2013. № 3. С. 229–237.

References

- Bibler V. S. *Zamysly [Conceptions]*. Moscow, 2002. 1120 p. (In Russian)
- Brainin-Passek V. O postmodernizme, krizise vospriiatiia i novoi klassike [On Post-Modernism, Crisis of Apperception and New Classics]. *Novyi mir iskusstva*, 2002, no. 5/28, pp. 7–10. (In Russian)
- Gobozov I. A. Intellektual'nyi krizis obshchestva [Intellectual Crisis of Society]. *Filosofii i obshchestvo*, 2010, no. 3, pp. 5–21.
- Gusserl' E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaiia. Obshchee vvedenie v chistuiu fenomenologiiu [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy – First Book: General Introduction to a Pure Phenomenology]*. Moscow, 2009. 496 p. (In Russian)
- Irkhin Iu. V. Postmodernistskie teorii: dostizheniia i somneniia [Post-Modernistic Theories: Achievements and Doubts]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia [Social Humanitarian Knowledge]*, 2006, no. 1, pp. 261–278. (In Russian)
- Liotar Zh. -F. *Sostoianie postmoderna [The Postmodern Condition]*. Moscow, 1988. 160 p. (In Russian)
- Man'kovskaia N. Ot modernizma k postpostmodernizmu via postmodernizm [From Modernism to Postpostmodernism via Postmodernism]. *Kollazh-2 [Collage-2]*. Moscow, IF RAN Publ., 1999, pp. 18–25. (In Russian)
- Marks K. Pis'mo V. I. Zsulich [The Letter of V. I. Zsulich]. K. Marks i F. Engel's. *Soch. [Collected Works]*. Vol. 19. 2-e izd. Moscow, 1961, pp. 250–251. (In Russian)
- Mitrosheikov O. Chto pridet na smenu postpozitivizmu? [What Comes to Replace Post-Positivism]. *Svobodnaia mysl'*, 2013, no. 5. Available at: <http://www.svom.info/entry/355-chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu/> (accessed: 02.02.2015). (In Russian)
- Neklassicheskaia filosofii prava: voprosy i otvety [Non-Classical Philosophy of Law: Questions and Responses]. *Biblioteka mezhdunarodnogo zhurnala «Problemy filosofii prava» [“Philosophy of Law Problems” International Journal Library]*. Khar'kov, 2013. 272 p. (In Russian)
- Platonova N. V. Filosofii prava v epokhu postmoderna [Philosophy of Law in the Age of Postmodern]. *Kul'tura, dukhovnost', obshchestvo [Culture, Spirits, Society]*, 2015, no. 19, pp. 81–87. (In Russian)
- Poliakov A. V. *Kommunikativnoe pravoponimanie: Izbr. trudy [Communicative Law Understanding: Collected Works]*. St. Petersburg, Alef-Press, 2014. 575 p. (In Russian)
- Poliakov A. V., Timoshina E. V. *Obshchaia teoriia prava: Uchebnik [General Theory of Law: Textbook]*. 2nd ed. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. Press, 2015. 472 p. (In Russian)
- Razuvaev N. V. Sovremennaia teoriia prava v poiskakh postklassicheskoi paradigmy poznaniia [Contemporary Theory of Law in the Search of Postclassical Paradigm of Consciousness]. *Pravovedenie*, 2014, no. 5, pp. 143–149. (In Russian)
- Stovba A. V. O peremene sushchnosti, ili «Chto est'» pravo v epokhu postmetafiziki [On Change in the Meaning or “What Is” Law in the Age of Postmetaphysics]. *Pravovedenie*, 2008, no. 1, pp. 157–164. (In Russian)
- Stovba A. V. Temporal'naia ontologii prava [Temporal Ontology of Law]. *Neklassicheskaia filosofii prava. Biblioteka mezhdunarodnogo zhurnala «Problemy filosofii prava» [Non-Classical Philosophy of Law. “Philosophy of Law Problems” International Journal Library]*. Khar'kov, 2013, pp. 127–159. (In Russian)
- Stovba A. V. Chto est' pravo? [What is Law?]. *Pravovedenie*, 2013, no. 4, pp. 178–186. (In Russian)
- Khaidegger M. *Bytie i vremia [Time and Being]*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 452 p. (In Russian)

Chestnov I. L. Dialogicheskaja kontseptsija prava [Dialogical Theory of Law]. *Neklassicheskaja filosofija prava. Biblioteka mezhdunarodnogo zhurnala «Problemy filosofii prava»* [Non-Classical Philosophy of Law. "Philosophy of Law Problems" International Journal Library]. Khar'kov, 2013, pp. 160–193. (In Russian)

Chestnov I. L. Postklassicheskaja kommunikativnaja kontseptsija prava kak «nezrимаia kollegija» ["Postclassical" Communicative Theory of Law as "Invisible Collegium"]. *Pravovedenie*, 2013, no. 5, pp. 112–123. (In Russian)

Chestnov I. L. Chto est' pravo? [What is Law?]. *Pravovedenie*, 2013, no. 3, pp. 229–237. (In Russian)